Банкет проходил в древнем стиле. Зал был поделен на две части – дорожка между ними была вымощена зеленым нефритом и неизвестно как излучала в полумраке искрящееся сияние. Группа из двадцати танцовщиц элегантно передвигалась в окружении музыки колокольчиков и цитр, их изящные и весьма привлекательные изгибы были едва различимыми под парящим муслином. Они бы не потерялись, даже если бы рядом с ними не было музыкального сопровождения, обладая помимо всего прочего очаровательными и нежными чертами лиц.

Слева от главного места за столом сидел Чжао Цзюньхун, рядом с ним находился высокий мужчина не более тридцати лет отроду. Его манера держаться была спокойной и выражение лица слегка напоминало Сун Цзынина. Это как раз и был тот человек, о котором только что говорили – Сун Цзычэн.

Большой зал был уже наполовину заполнен, в нем находились люди разного происхождения и родственных связей – и близких, и дальних. Это было публичное место, где могли выступать различные музыкальные группы, и оно не принадлежало какому-то конкретному человеку. Но даже так, те, кто сидели на первых местах, были прямыми потомками Дома Сун или, по крайней мере, выходцами из могущественных ветвей.

Седьмой юный мастер Сун, известный своей любовью к красоткам и вину, был частым гостем этого музыкального зала. Его уже давно приметил какой-то слуга, подбежавший, чтобы провести их внутрь.

В это время настал перерыв для пения и танцев. Танцовщицы разделились на две группы и почтительно поприветствовали каждого человека на всех сторонах зала. Зал наполнился аплодисментами – глаза мужчин зажигались, когда они обводили взглядом этих женщин и отпускали в их сторону пустячные комплименты.

Цянь Е и Сун Цзынин присели на свободные места, не привлекая к себе много внимания. Глаза Цзынина сразу же засияли, когда он обвел взглядом сцену.

– Так это и есть та группа маленьких красоток, которую тренировал Чжиюань? И впрямь интересно.

Проводивший их слуга, видимо, хотел что-то сказать, но увидел человека, идущего от двери и как раз в этот момент повернувшегося.

– Зрение седьмого юного мастера подобно свету яркого фонаря. Посмотрите, господин, прибыл юный мастер Чжиюань.

Только что прибывшим оказался человек двадцати лет от роду, с благожелательной и открытой манерой держаться. Это действительно оказался младший сын Почетного Графа Гу, Сун Чжиюань. Этого юношу Цянь Е встретил у входа в оружейную, вместе с его сестрой.

После того, как Цзынин представил двух своих товарищей друг другу, все трое сели вместе.

Сун Чжиюань сразу же начал расхваливать группу танцовщиц, которых он обучал. Он тут же поманил двоих из них подойти и налить им вина. Его поведение было действительно полным энтузиазма и не выказывало никакого пренебрежения в сторону Цянь Е, хотя тот и был простым приглашенным воином. Таким образом, проявилось то, что личные отношения между Чжиюанем и Цзынином были довольно близкими.

Самому Цянь Е казалось, что всё это представление было слишком шумным и его нос был забит всевозможными запахами. Духи танцовщиц клана Сун были высококачественными

изделиями и все без исключения были натуральными, незаметными и соблазняющими. Их даже на словах нельзя было сравнить с дешевым одеколоном женщин в тех маленьких тавернах на континенте Вечной Ночи. Этот аромат через некоторое время, казалось, почти проникал в сознание, заставляя почувствовать одурманивание.

Сбоку от него Сун Цзынин пребывал в приподнятом настроении, подразнивая хрупкую красотку. Вскоре компания избрала объектом своих шуток Цянь Е.

Танцовщица с прекрасной фиолетовой хризантемой, прикрепленной к ее прическе, встала спиной к Цянь Е. Затем прогнулась назад, словно в ее гибкой талии костей не было вовсе, и прямо возле губ Цянь Е оказался кубок с вином, который она крепко удерживала своим ртом.

Не только Цзынин и Чжиюань, но даже те, кто находились за столиками поблизости, развеселились. В этот момент атмосфера в зале постепенно становилась все более непринужденной. Танцовщицы рассеялись по разным столикам, чтобы налить вино и использовали различные способы, чтобы побудить гостей пить, вызывая время от времени взрывы смеха.

Цянь Е улыбнулся, потянулся к винному кубку, забрал его изо рта танцовщицы и осушил его одним глотком.

Сун Цзынин не удержался от смачного фейспалма:

– Зачем ты использовал свои руки?!

Танцовщица, подавшая Цянь Е напиток, все еще оставалась в своей позе. Но в этот момент она внезапно двинулась – ее тонкая талия очень ловко выпрямилась, и она поцеловала Цянь Е, лоб которого оказался в пределах ее досягаемости.

Сун Цзынин хлопнул по столу ладонью и разразился смехом. Он вытянулся, потянул друга за плечо и сказал:

– Братишка, не подводи доброту такой красавицы.

Губы танцовщицы были очень мягкими и, что было довольно неожиданно, на ее теле не было сильного постороннего запаха духов. То, что поражало ноздри первым, был аромат георгины в ее волосах, сопровождаемый ноткой алкоголя. При содействии энергичной ауры девушки, эти два компонента превращались вместе в особое очарование, которое заставляло сердце биться чаще.

Цянь Е ничего не имел против таких вот шуточек навеселе. Он потянулся, легонько задел танцовщицу за подбородок и тут же вернул ей поцелуй. Девушка издала стон, и ее податливая талия наклонилась ниже, пока не опустилась на колени парня. Ее губы и язычок были весьма страстными, когда они переплетались и разъединялись вместе.

Неожиданно за главным столом Чжао Цзюньхун встал и поднял свой винный кубок в направлении Сун Цзынина.

Глаза последнего сверкнули, когда он ответил взаимностью и охотно осушил свой кубок.

После чего, Чжао Цзюньхун повернулся и начал беседовать с сидящим рядом Сун Цзычэном.

Это небольшое действие заметили глаза многих. Сторонникам обеих партий уже было известно

об инциденте, который имел место быть сегодня днем на шоссе к Поместью Просвещения.

Даже Сун Цзыци, который оставил нескольких человек проследить за тем, что было дальше, не имел понятия о том, что тогда произошло. Подчиненные увидели только то, что Чжао Цзюньду и Сун Цзынин перекинулись несколькими словами без других явных движений, перед тем, как гость-воин Цзынина нанес удар кулаком вперед, чему тут же воспротивился Чжао Цзюньхун. После этого Цзынин и его приглашенный воин повернулись и ушли.

Но никто смел на основании этого опрометчиво судить, враги они или друзья. Четвертый юный мастер Дома Чжао обладал взрывным характером. На протяжении многих лет, все, кто хоть чуточку слышал о нем, знали, что лучше не вмешиваться, если он конфликтует с кем-то, потому что Цзюньду мог побить вмешивающегося еще до того, как побить своего врага. По сравнению с ним, Чжао Цзюньхун казался хорошим человеком, так как по большей части был просто высокомерным и снисходительным.

Таким образом, никто не высмеивал Сун Цзыци за быстрый уход, хотя именно он пытался воткнуть палки в колеса Цзынину, но в итоге сам сел в лужу. Хотя в нормальных условиях логично, что члены одного клана вместе противостоят чужакам, независимо от их личных счетов, немногие из юного поколения Дома Сун имели смелость противостоять братьям Дома Чжао.

Сун Чжиюань прошептал в ухо Сун Цзынину очень-очень тихим голосом:

– Второй юный мастер Дома Чжао, видимо, благоволит к тебе!

Сун Чжиюань уже видел грандиозное появление Чжао Цзюньхуна – считалось честью, если второй юный мастер просто глянул на тебя, не говоря уже о приветствии действием.

Сун Цзынин только улыбнулся, ничего не ответив. В текущих условиях внутри Дома Сун, такое благоприятное впечатление могло расцениваться как смесь из удачи и катастрофы. Этот жест был молчаливой компенсацией за неожиданное нападение Чжао Цзюньду, и, так как последний не предпринимал попыток повлиять на него каким-либо другим образом, его было достаточно.

Слава Чжао Цзюньхуна всегда была посредственной, но, после того, как Сун Цзынин несколько раз столкнулся с ним, то обнаружил, что второго юного мастера Дома Чжао не стоит недооценивать. Его манеры всегда были соответствующими и находились под его контролем – он определенно был дальновидным человеком.

В это время Чжао Цзюньхун встал из-за стола и вышел через боковую дверь, один. Сун Цзынин также поднялся и покинул главный зал.

Обвив танцовщицу руками и игриво поглаживая ее длинные шелковые волосы, Цянь Е повернулся с задумчивым взглядом. Между тем, танцовщица, тяжело дыша и сверкая огнем в глазах, прильнула к нему, словно весенняя вода в пруду.

Луна на улице была еще в своей самой яркой фазе, ее мягкий приглушенный свет рассеивался по земле среди изысканных декоративных растений и изначальных ламп дворика усадьбы.

Сун Цзынин дошел до конца пустынной аллеи и улыбнулся, увидев, как появилась фигура Чжао Цзюньхуна.

– Брат Цзюньхун, у тебя есть, что сказать мне?

В воздух, казалось, неожиданно ворвалась осень, так как несколько опадающих листьев постепенно запорхали в воздухе. Все звуки были изолированы доменом искусства Трех Тысяч Летающих Листьев.

Чжао Цзюньхун, казалось, совсем не чувствовал тревоги, хотя и находился в домене другого человека.

– Ты достиг такого уровня еще до ранга Воителя. Не ошибусь, если скажу, что ты сейчас номер один в клане Сун. К сожалению, время не на твоей стороне.

Сун Цзынин слегка удивился, но вскоре ответил с улыбкой:

– Как так получилось, что брат Цзюньхун здесь, чтобы поговорить о моих делах?

Второй юный мастер Чжао сказал:

– Если хочешь, можешь жениться на любой девушке из боковых ветвей Дома Чжао. Даже на Чжао Юйин.

Чжао Юйин была родом из побочной ветви Дома Чжао, но ее таланты уступали лишь Чжао Жоси и четвертому юному мастеру.

Дрожь неожиданно пробрала позвоночник Сун Цзынина и его ладони вспотели. Честно говоря, это было уже третье полученное им предложение о свадьбе и, похоже, этим сватам было совершенно без разницы, что он обручен с кем-то из землевладельческого сословия. Но это не было и хорошей новостью, так как означало, что все эти люди также игнорировали волю Дома Сун.

Хотя поведение отдельных аристократов не могло означать чего-то особенного, значение, которое крылось в неожиданном предложении Чжао Цзюньхуна, было совершенно другим. Все знали, что положение Чжао Юйин в Доме Чжао могло быть только выше и никак не ниже, чем положение Сун Цзынина в его собственном клане. Предлагать ее для этой свадьбы означало, вне всяких сомнений, что она не войдет в Дом Сун. Так как Чжао Цзюньхун сказал прямо, что у Сун Цзынина уже мало времени, эти слова должны были иметь какую-то причину.

После момента тишины, Сун Цзынин заговорил с недрогнувшим выражением на лице:

– Второй юный мастер Дома Чжао поистине весьма добр ко мне.

Чжао Цзюньхун улыбнулся, прежде чем сказать:

– Это также мнение моего четвертого брата. Я уеду завтра утром, много дел клана требуют моего присутствия. Поэтому лучше всего будет, если мы как можно скорее развеем все недоразумения между нами.

Он сделал секундную паузу и продолжил с меланхоличной ноткой:

– Четвертый брат желает Цянь Е только безопасности. Просто его методы решения вопросов немного импульсивны. Я надеюсь, Цзынин, ты можешь это понять.

Седьмой мастер Сун неожиданно расхохотался:

– Позволь, брат Цзюньхун, я расскажу тебе историю. Где-то полгода назад, я помог Цянь Е убить одного из его врагов, генерал-бригадира и командующего дивизии экспедиционной

армии на континенте Вечной Ночи. Было известно, что он простого происхождения, и то же было записано в армейских досье. Но на самом деле он был бастардом главы Военной Семьи Хуайян.

В этот момент оба, и Сун Цзынин, и Чжао Цзюньхун внезапно повернулись, увидев Цянь Е, идущего к ним по небольшой аллее.

Сун Цзынин только кивнул последнему и открыл свой домен, позволяя тому войти. Затем продолжил:

– Этот человек в одиночку создал город, так что это показывает, насколько он был талантлив. Позже он каким-то образом прознал свое истинное происхождение и завязал контакты с главной семьей. В любом случае, когда мы выступили против него, сделки под его покровительством были тесно связанными с тремя ветвями Семьи Хуайян.

Цянь Е был несколько изумлен, услышав это. Оказывается, Сун Цзынин говорит о случае с Ву Чжэн Наном.

– Вообще-то, ситуация не была совсем уж хуже некуда, когда расследовались его запрещенные сделки с темными расами. Но Семья Хуайян хранила полное молчание и наглухо обрезала все торговые маршруты. Здесь появилось нечто даже более интересное. Пусть и секретные искусства, и техники Семьи Хуайян так себе, они все еще аристократическая семья. Но он не только не получил ни единого наследства от этой семьи, но, напротив, его заставили искать спасения в объединении с родословной вампиров, чтобы исцелить скрытые повреждения, полученные из-за Искусства Возмездия. В конце концов, Ву Чжэн Нан полностью впал во тьму.

Пространство вокруг них заполнилось удушающим чувством, когда Сун Цзынин закончил говорить.

Выражение лица Чжао Цзюньхуна изменилось несколько раз, прежде чем он сочувствующе улыбнулся и сказал:

– Думаю, я понимаю, что ты имеешь в виду.

http://tl.rulate.ru/book/6036/464268